

Эссенция сонной лилии — это опиат, психоактивная жидкость,

Которая имеет вкус и запах вашего любимого напитка.

Хотя сонная лилия законна, если используется в медицинских целях,

Но она сильно облагается налогом,

И поэтому большинство сонной лилии ввозится контрабандой

И продаётся на чёрном рынке.

Употребление сонной лилии вызывает дезориентирующую эйфорию

И удивительную устойчивость к боли, но только в малых дозах.

Я стоял перед домом, из которого совсем недавно выходил. Простые потрёпанные двери, затронутые временем, с редкими следами ухода.

Смазанные петли, выдавшие лучшие дни и с трудом удерживающие плотно сбитые доски, окованные железом.

Небольшая ручка, затёртая от постоянного трения, и следы грязи на косяках, там, где детские ручки Нины упирались, чтобы открыть тяжёлую дверь.

Мутноватые окна, сквозь которые едва просматривались внутренности помещения, слабо поблёскивали на солнце, отбрасывая во все стороны тусклые солнечные зайчики.

А со стен в некоторых местах отваливалась краска и последние элементы декора.

В небольшом дворике стоит собачья будка без намека на цепь и десятки следов, среди которых отчётливо прослеживаются отпечатки маленьких ножек и собачьих лап.

Я не хотел туда заходить, словно шестое чувство шептало мне, что ничем хорошим это не закончится, но, в отличие от меня, Улдер не страдал моральными терзаниями.

Упрямо поджав челюсть, он проигнорировал мой ступор и стремительно пошёл вперёд, молча отдавая команды своим людям, окружающим домик со всех сторон.

Солдаты испытывали тревогу, постоянно оборачиваясь в мою сторону, не ожидавшие подобного поведения от постоянно уверенного в себе арфиста. Их чувства шептали им, что что-то не так и сейчас мы наконец найдём свою цель. И они не были одиноки в этом понимании.

Улдер громко тарабанил в дверь, не сдерживая голоса, крича на всю улицу, чтобы нам открыли, но в ответ была тишина. Лишь мирное звучание улиц большого города раздавалось вдали, да громкие крики припортовых птиц, напуганных голосом Огненного Кулака.

-Ломаем!

Хлёткий приказ и два особо крупных новобранца, не размениваясь на вопросы, вытаскивают из-за поясов добротные топоры, обрушивая их на дверной проём.

Под хруст дерева во все стороны разлетались щепки, оглашая округу стоном двери, выламываемой под напористыми ударами солдат.

Всего пара минут и вот мы уже заходим внутрь, в просторную комнатку, из которой можно попасть на второй этаж и подвал. Рядом не было ни души, а оставленные на столе столовые приборы вызвали на сердце нехорошие подозрения.

Подгнившая еда распространяла отвратительный сладковатый аромат, в котором проскальзывало нечто незнакомое и пугающее. Десятки мух сорвались к потолку, остерегаясь руки Улдера, смахивающего их подальше от стола.

-Здесь явно давно никого не было...

Я не стал ничего говорить, лишь молча продолжая осматривать дом. И чем больше я наблюдал и искал, тем хуже мне становилось на сердце.

Раскиданная одежда, изорванные ковры и картины, разбитая посуда и множество других мелочей. Здесь не было следов борьбы, но создавалось ощущение, будто по дому пронёсся ураган, уничтожая всё, что попадалось под руку.

Прохудившиеся половицы лестницы скрипели под моими ногами, пока я поднимался на второй этаж, чтобы воочию увидеть спальни местных хозяев.

В воздухе витал аромат алкоголя и вскоре я начал обнаруживать разбитые и пролитые бутылки. Постепенно приближаясь к детской комнате, я встречал их всё чаще, натываясь на оставленный хозяином дома след.

Рука с дрожью толкнула последнюю разделяющую коридор и комнатку дверь, впуская меня внутрь. В нос ударил смрад немытого тела и перегара, вынуждая непроизвольно морщиться и вдохнуть поглубже.

Сбитый воздух, полный амбре и поднятыми пылинками, мешал нормально мыслить, вызывая головные боли.

Пришлось зажать нос, чтобы просто идти дальше, но я не смог сделать и шага в комнату, ведь на полу, в самом центре, валялось мужское тело.

Покрытое струпьями, со следами пыток, в собственной крови и рвоте лежал Шун, судорожно сжимая себя за плечи.

Мужчина медленно и размеренно дышал, не выказывая никаких эмоций по поводу своего состояния, лишь его глаза лихорадочно дергались под закрытыми веками. Он что-то тихо бормотал, вызывая любопытство. Даже несмотря на моё плохое предчувствие, я шагнул вперёд, вызывая новый скрип и привлекая к себе внимание.

Глаза отца-одиночки метнулись в мою сторону, после чего лицо озарилось улыбкой.

Безумие, оно плескалось в глубине его зрачка, такого маленького и пронзительно взирающего на меня, неотрывно следящего за каждым шагом.

Губы Шуна не останавливались ни на секунду, так и продолжая двигаться в такт дыханию, без ошибок и сомнений.

-... Прими мою боль, прими и возрадуйся...

Сделав ещё один шаг, я расслышал часть его... молитвы. А это была именно она, такая страстная, искренняя и пугающая. Произнесённая сломленным человеком, чтобы его точно услышали.

-... Прими мою боль, Госпожа, прими и прочувствуй её...

Он смотрел мне прямо в глаза, продолжая молиться, отчего на миг мне показалось, что в комнате стало темнее, а воздух превратился в настоящий удушающий газ.

Прокашлявшись, прочищая саднящее горло, я вновь шагнул вперёд, наклоняясь поближе, чтобы услышать слова Шуна целиком.

-Я наслаждаюсь ею, я чувствую её... Всем сердцем, всей душой, всем телом, каждым кончиком пальца, всё ради тебя, — несмотря на своё ужасное состояние, мужчина возносил хвалу неистово, словно его собеседник находился рядом с нами, — ни одна, даже самая сладкая пытка не сравнится с тем, что я испытал. Ни одна нанесённая рана не смоет того, что сейчас творится в моей душе.

Он хотел плакать, но просто не мог, ведь его высохшие, покрасневшие глаза больше не дарили слёз. Он хотел смеяться, утопать в своей радости и эйфории, но тело больше не слушалось, лишь рот продолжал говорить и восхвалять неизвестную хозяйку.

-Госпожа боли, я отдаю это прекрасное чувство тебе, во имя твоё, дабы утолить твою жажду.

За окном уходило солнце, хотя до ночи было ещё далеко, но я ощутил, как в комнате стало темнее... И страшнее. По моему телу словно пробежали ловкие женские пальчики, но в то же время это были пальцы палача, присматривающегося к сочному куску, над которым тот вскоре начнёт работу.

Пробежавшие по спине мурашки подарили холод и озноб, а начинающийся тремор в руках резко прекратился.

«Возьми себя в руки».

Отвесив себе мысленную пощечину, я подошёл вплотную к Шуну, к этому безумному существу, утопающему в боли и собственных пороках, а он, казалось, только этого и ждал.

-Моя госпожа, он пришёл, как я и говорил... Пришёл. Такой добрый, лакомый кусочек... Словно вишенка на сочном торте, что я вам преподнёс. Теперь боль захлестнёт и его, а потом и меня с головой. Вы чувствуете, слышите это? Хозяйка боли, моя богиня... Ловиатар.

С последним словом Шун наконец замолчал, смотря на меня безумными и счастливыми глазами. Из его рта выдавались жалкие хрипы, показывая, как тяжело мужчине далась эта жуткая молитва, забравшая последние силы.

Сглотнув вязкую слюну, отгоняя наваждения и мысли, я присел на корточки, чтобы услышать его тихий ответ. Он знал, о чём я хочу его спросить, и с радостью поведал мне всё лишь одними глазами.

Подобрав края плаща, срываюсь на бег, расталкивая застывших в проходе Улдера и других Кулаков. Не обращая внимания на слова и вопросы, летящие мне в спину, практически падаю на первый этаж, на коленях доползая до скрытого под столом люка.

Руки судорожно теребят половицы, обыскивая каждую щелочку, каждую трещину, пробираясь кончиками пальцев вдоль досок, пока наконец не нащупывают искомое.

Иллюзия распадается под дружный вздох изумления солдат, но я не слышу их. Все мои чувства смотрят только вперёд, ищут только одну цель и плевать на остальное.

Скатившись по вертикальной лестнице, зажигаю Пляшущие огоньки, рассылая их по переплетению комнат, создавая хоть какое-то подобие источника света.

В ответ на это в темноте раздаётся шорох и крупная тень метается в сторону, скрываясь во мгле, куда не достаёт ни один огонёк.

-Нина...

Мой дрожащий голос, срывающийся на гласных, был жалким и слабым. Я неуверенно переминался с ноги на ногу, едва пересиливая себя и делая шаг вперёд.

Сила покинула мышцы, а огоньки, подчинённые волей, начали мерцать и гаснуть, выдавая моё состояние.

-Ал?

Тихий скулёж раздался со всех сторон, эхом отражаясь от стен. Огромный пёс девочки, этот добрый и всегда счастливый спутник Нины не хотел выходить на мой взор, хотя до этого никогда не отказывался получить хоть капельку внимания.

-Где вы? Не бойтесь, выходите.

Я не слышал собственного голоса, будто бы говорил кто-то другой. До самого последнего момента я верил, что всё ещё можно исправить, что не случилось чего-то ужасного. И если пёс Нины жив, то и она сама ещё могла быть здесь, а значит я мог её спасти. Залечить её раны, исцелить душу.

«Вместе с другими арфистами... Вместе с Ефи. А если понадобится, то я приволоку Джахейру обратно, лишь бы она исправила всё, что произошло, раз не смогу сделать это сам».

Последний хрупкий на вид огонёк застыл над моей ладонью. Вяло трепыхаясь, он пытался погаснуть вслед за остальными, исчезнуть из этого проклятого места, оставив меня наедине с открывающейся правдой.

Громкий перестук лап раздался за спиной. Нечто крупное, большое и неуклюжее пыталось скрыться с моих глаз, спрятаться за многочисленными шкафами и столами, открывшимися мне, стоило поднести огонёк поближе. И только сейчас я внимательнее осмотрел место, в котором оказался.

Отвратительная даже на первый взгляд лаборатория, заполненная следами экспериментов и ещё живых несчастных, оказавшихся в руках последователя Госпожи боли.

Со всех сторон меня окружали колбы и клетки, где сквозь решётки и стекло выглядывали грустные и пустые глаза существ, доселе не встречаемых никем в этом мире. Созданные из разных тел людей и животных, они забивались в угол, старались оказаться как можно дальше, стоило синему пламени осветить их лица.

Причудливые и гротескные формы, неспособные к жизни без магии и постоянной подпитки через растворы и капельницы. Эти существа провожали меня взглядами, полными агонии и жажды смерти.

-Нина?

Ком встал у меня в горле. В самом центре подземелья стоял рабочий стол ублюдка, заваленный исписанными листами, чертежами, формулами...

Настоящий учебник по созданию чудовищ, без обложки, переплёта и подписи автора.

Непонятное мне оборудование мерно попискивало, свистело и пытело, переливаясь цветами и жидкостями, а по середине стола валялся порванный портрет. Небольшая картина, очевидно заказанная у хорошего мастера, полностью передающая эмоции всех участников рисунка.

Пальцы прошило судорогой, стоило только поднести куски картины к лицу. Обычная семья, такая простая и знакомая, ещё неделю назад вызывающая у меня море положительных эмоций, особенно из-за двух младших её членов.

Портрет был порван криво, небрежно и в порыве чувств, но он полностью передавал произошедшее. Взяв половинки в разные руки, я переводил взгляд с изображения Шуна на Нину и Ала, которые подобно этой картине были разделены, причем из-за поступков самого отца семейства.

Упав в стоящее рядом кресло, я задрал голову к потолку, боясь просто представить и даже просто помыслить, что случилось с девочкой и стоит ли мне вообще её искать.

Руки вяло опустились к полу, свисая с подлокотников мягкого стула, богато украшенного символами Любительницы Боли.

-Как же так... Как так вышло?

Задавая вслух самому себе вопросы, я и не заметил, как в мою правую ладонь уперлось что-то теплое и мокрое.

Поборов испуганную дрожь, со страхом на лице, медленно оборачиваю голову в сторону неизвестного, пока не наткнулся на высокое подобие собаки, смотрящей на меня умными глазами.

Левая рука метнулась ко рту, зажимая его с такой силой, что из верхней губы пошла кровь. Подавляя всхлип, я проглотил тошноту, удерживая все чувства в себе, но эмоции были сильнее.

-Нина, — сквозь плотно сжатые губы мой вопрос больше походил на мычание, но сидящее напротив существо услышало меня, — это ты?

-Дя...Дядька... Тев?

С трудом выговаривая слова, химера подалась вперёд, облизывая мою свисающую вдоль кресла руку. Оно улыбалось, тёрлось лбом о мою конечность, продолжая выдавать непонятные слова из своего рта, наполовину собачьего, наполовину человеческого.

Я не знал, что делать. Сознание покинуло меня и лишь эти слова Нины набатом стучали в голове, разжигая ненависть и боль, подпитывая злобную тварь Ловиатар моими страданиями и горем.

Тени сгущались, а непроглядный мрак наполнился силуэтами, в которых слышался смех и довольные возбужденные стоны проклятой богини и её подхалимов.

«Сумасшедшая сука... Зачем вы с Шуном это сделали? Сильванус... О боги».

Перебарывая отвращение, страх и жалость, я оторвал руку от рта, зарываясь в мех с детскими волосами, комками торчащими из головы.

«Она же была твоей дочерью, больной ты ублюдок!».

Потрепав химеру по голове, я почувствовал, как по лицу пробегают тёплые дорожки слёз. Они были такими горячими, практически обжигающими, пробирающими до самого нутра.

«Всего лишь девочкой, простой весёлой девочкой!?».

Нечто, во что превратились Нина и Ал, присело на задние лапы, опуская голову ближе ко мне, кладя её на колено. Она продолжала говорить своим наивным детским голоском, борясь с кривым речевым аппаратом, из которого порой вылетал грустный собачий скулёр.

-Дядька... Тев, — передёрнувшись, химера протяжно заскулила, борясь с внутренними спазмами в неправильно собранном теле, — Бо... Больно.

«Как ей теперь жить?... Я убью тебя, Шун, убью, культисткая гнида».

-По... Помоги...

Подняв на меня заплаканные глаза, в которых я видел страх, боль и надежду на лучшее, оно вызвало на моём лице новый виток слёз.

-Конечно. Нина, Ал, я вам помогу.

Едва сдерживая порыв и силу в пальцах, я вновь погладил волосы существа, параллельно свободной рукой копаясь в кармане, выискивая один из мелких пузырьков на поясной сумке.

-Всё будет хорошо, скоро боль уйдёт и...

-А где... Папа?

Неожиданно заданный вопрос ввёл меня в ступор, тело налилось яростью и жаждой крови, стоило только воссоздать в уме картину полоумного фанатика Ловиатар.

-Он скоро придёт, — коверкая слова, удерживая разбушевавшиеся чувства, я вытащил крохотную ампулу, внутри которой была перетёртая смесь корешков и листьев сонной лилии, — сейчас, Нина, скоро всё закончится.

Вдавив пальцем пробку, пробиваю иглой небольшой раствор с жидкостью внутри склянки, тем самым заполняя её активным реагентом. Вялыми движениями встряхиваю получившуюся смесь, ощущая вновь подступающую к горлу тошноту.

Слёзы уже перестали течь, а разум давно отошёл на второй план, ведя медленный разговор с химерой, убеждая существо, что осталось потерпеть боль совсем чуть-чуть.

-Выпей это, Нина, выпей и всё будет хорошо, — вливая в распахнутую пасть доверившегося мне существа полный пузырёк концентрата сонного зелья, я ласково поглаживал её по голове, нащёптывая всякую чушь, — вот так, умничка. Сейчас всё пройдёт и мы пойдём погуляем.

-Спааать...

-Конечно, Нина, — глотая слёзы и часто дыша, меня выворачивало наизнанку, грозя погresti под наплывом вины, ненависти и жалости, — отдыхай, скоро мы встретимся вновь.

Мы так и продолжали сидеть рядом с рабочим столом Шуна. Пока Нина засыпала, погружаясь в свои мечты и фантазии, я рассказывал ей много узанных мною вещей, помогая девочке поскорее забыть все страхи и ужасы, пережитые по вине отца.

Моя рука уже без содрогания оглаживала её деформированную голову, вкладывая в голову жуткие воспоминания о её участии, запоминая каждый участок покрытого мехом тела, где прошла рука.

По прошествии пары минут дыхание химеры выровнялось, а судороги и боль прекратили терзать её тело, погружая в спасительное забытье.

С последним вздохом на жутком лице рукотворного чудовища расплылась улыбка и даже тогда Нина звала своего отца.

<http://tl.rulate.ru/book/106241/4039025>